

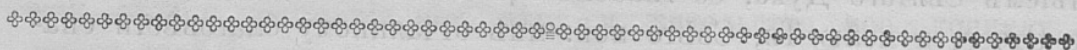

Годъ VII.

Выпускъ 5-й

1910 г.

Отъ 1-го Іюня.

КЕЛЕЙНОЕ ПРАВИЛО

Епископа Іустина.

(Окончаніе).

VI.

Поклоненіе
Пресвятой Богородицѣ,

въ 6 часовъ по полудни.

Не имамы иныя помощи.

ПОКЛОНЕНІЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦѢ.

Приидите, поклонимся Царицѣ нашей Богородицѣ. Приидите,
поклонимся Дѣвѣ Маріи, Царицѣ нашей Богородицѣ.

Пріидите, поклонимся и припадемъ къ Самой Госпожѣ Дѣвѣ Маріи, Царицѣ нашей Богородицѣ.

Поклоняюся Тебѣ, Пресвятая Богородице, Твоимъ рождествомъ явльшая намъ Свѣтъ истинный, Царице небу и земли, надеждо надежнымъ, помощнице немощнымъ и ходатаице всѣмъ грѣшнымъ! Ты мя покрый и заступи отъ всѣхъ бѣдъ и нуждъ—душевныхъ и тѣлесныхъ, и буди ми, молюся, Заступница—святыми Твоими молитвами!

Поклоняюся Твоему, свыше предвозвѣщенному зачатію и благословенному рожденію отъ святыхъ Ти родителей Іоакима и Анны, и молю Тя Госпоже моя: даждь ми житіе безгрѣшно зачати и родити покаяніе!

Поклоняюся Твоему введенію въ церковь Господню. трлѣтствовавшая Отроковице, и молю Тя, Свѣте мой: церковь мя содѣлай Святому Духу—молитвами Твоими!

Поклоняюся благовѣщенію Твоему, Пречистая Дѣво, егда дѣйствіемъ Святаго Духа, со гласомъ Архангельскимъ, зачала еси Слово Отчее, и молю Тя, Свѣте мой: мнѣ отчаянному благовѣсти спасеніе!

Поклоняюся рожденію Твоему, егда воплотила и родила еси Христа—Спаса міру, и была еси Мати Богу, отъ всея твари славила и превозносіма, и молю Тя, Свѣте мой: являй Себе мнѣ Матерь милосердну, и нынѣ, и во вѣкъ будущій!

Поклоняюся законному очищенію Твоему, нескверная, неблазная, нетлѣнная, Пресвятая, и молю Тя, Свѣте мой: очисти мя отъ всякія скверны плоти и духа—молитвами Твоими!

Поклоняюся и почитаю болѣзни Твоя, яже претерпѣла еси во время вольныя страсти Сына Твоего, егда сбылся Сумеоново прореченіе: Тебѣ же Самой оружіе душу твою пройдетъ, и молю Тя, Свѣте мой, болѣзни душевныя и тѣлесныя избави мя!

Поклоняюся Тебѣ, Госпоже, воспоминаая радость Твою, юже имѣла еси во время воскресенія Сына Твоего, и молю Тя, Свѣте мой: радости духовныя не лиши мене!

Поклоняюся честному и славному успенію Твоему, и молю Тя, Свѣте мой: усыпи страсти моя плотскія—помощію Твоею.

Пресвятая Владычице моя, Богородице! Пріими сіе малое мое поклоненіе и моленіе къ Тебѣ, и принеси къ Сыну Твоему и Богу нашему молитву за мя грѣшнаго, да просвѣтитъ и спасетъ Тебе ради убогую душу мою!

На Твой Пречистый образъ взирая, яко истинную Самую Тя зрю, Богородицу, вѣрою сердечною и любовію отъ души, припа-

даю—и покланяюся Тебѣ, съ предвѣчнымъ на руку Твоею держимымъ Младенцемъ Господамъ нашимъ Иисусамъ Христомъ, свято-лѣпно почитаю, и молю Тя со слезами: воздвигни мя изъ глубины грѣховныя, просвѣти сердечныя очи мои къ зрѣнію спасенія,—оживотвори сердце мое духомъ благочестія и страха Божія, духомъ чистоты и правды, духомъ любви и милосердія! Покрый мя покровомъ Твоимъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ! буди ми помощница, заступница и руководительница, во всемъ житіи моемъ, во исходѣ моемъ и по кончинѣ моей не остави мене свое милостію! Ты бо родъ человѣческій ввела еси въ царство небесное.

ПРЕДАНИЕ СЕБЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

О, Пресвятая Владычице, Богородице, милосердія сущи источникъ, покрове, упованіе и прибѣжище христіанъ! Тебѣ—всесильной предстательницѣ и сполучницѣ покаянія и спасенія моего, азъ, грѣшный рабъ Твой, вручаю душу и тѣло мое, входы и исходы мои, дѣла и начинанія моя, вѣру и жительство мое, кончину и число дней моихъ, глаголы и помышленія моя! Ты же, Милостивая Мати Божія, мною руководи, покрывай, соблюдай и спасай мя, отъ всѣхъ бѣсовскихъ и человѣческихъ козней невредима, да немолчно до послѣдняго издыханія моего—взываю Ти:

Радуйся Невѣсто неневѣстная!

Радуйся Святая Святыхъ большая!

Пресвятая Богородице, спаси мя!

Многая множества моихъ, Богородице, прегрѣшеній, къ Тебѣ прибѣгохъ, Чистая, спасенія требую; посѣти немощствующую мою душу, и моли Сына Твоего и Бога нашего: дати ми оставленіе, яже содѣяхъ, лютыхъ, едина благословенная!

Всесвятая Богородице! Во время живота моего не остави мене, человѣческому предстательству не ввѣри мя: но Сама заступи и помилуй мя!

Все упованіе мое на Тя возлагаю, Мати Божія, сохрани мя подъ кровомъ Твоимъ;

Архангельскій гласъ воіемъ Ти, чистая:

Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!

ЧАСЫ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

16. Господи, даждь ми мысль благу;

17. Господи, даждь ми слезы, и память смертную и умиленіе.

18. Господи, даждь ми помысль исповѣданія грѣховъ моихъ.

или:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! 300.
Высшую небесъ и чистшую свѣтлостей солнечныхъ, избавляющую насъ отъ клятвы—Владычицу міра пѣсньми почтимъ.

Отъ многихъ моихъ грѣховъ немощствуетъ тѣло, немощствуетъ и душа моя. Къ Тебѣ прибѣгаю Благодатній, Надежда ненадежныхъ, Ты ми помози!

Владычице и Мати Избавителя, пріими моленіе недостойныхъ рабъ Твоихъ, да ходатайствуешь къ Рождшемуся изъ Тебе. О Владычице міра, буди ходатаица!

Поемъ прилѣжно Тебѣ пѣснь нынѣ Всепѣтой Богородицѣ радостно, со Предтечею и всѣми святыми: моли Богородице, еже ущедрити ны!

Вся Ангеловъ воинства, Предтече Господень, Апостоловъ двоедесятнице, святіи вси съ Богородицею, сотворите молитву, во еже спастися намъ!

Господи Боже мой! Даруй мнѣ благодать—все ясно зрѣть и разумѣть, чтобы я вѣрно могъ различать,—что добро и что зло.

Господи Боже мой! Даруй мнѣ мудрость и разсужденіе во всѣхъ словахъ и дѣлахъ моихъ, чтобы не прельстилъ меня ни челоуѣкъ, ни діаволь.

Господи Боже мой! Даруй ми духа премудрости и откровенія—въ познаніе Твое: просвѣщенны очеса сердца моего, яко увѣдѣти мнѣ: кое есть упованіе званія Твоего? и кое богатство славы достаянія Твоего во святыхъ? (Ефес. 1, 17-18).

Господи Отче и Боже живота моего! Не даждь возношенія и блуженія очима моима, и вожделѣніе отвори отъ мене: чрева похоть и блудодѣяніе да не обымутъ мене, и безсуднѣй души не предаждь мене! (Сирах. гл. 23).

Даруй мнѣ, Господи Боже мой! долимъ и тщательнымъ подвигомъ обучить чувства свои и намѣреніе, въ разсужденіи добра и зла, и тако содѣлаться сыномъ царствія Твоего! (Іак. 1, 5-8 Аминь.

VII.

Вечернія молитвы.

въ 9 часовъ вечера.

„Да исправится молитва моя, яко кадило
предъ Тобою: воздыханіе руку мою—жертва
вечерняя!“

МОЛИТВЫ ВЕЧЕРНІЯ.

Вечеръ, и завтра, и полудне
Ангеле Божій, Хранителю мой Святый

Начало приходное.

Благословенъ Богъ нашъ
Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ!

Царю небесный

Трисвятое.

По Отче нашъ:

Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ

Слава:

Господи, помилуй насъ

И нынѣ:

Милосердія двери отверзи намъ

Господи помилуй 12.

Господи Боже, Отче Вседержителю, Отческимъ Твоимъ благоутробіемъ обими и мене недостойнаго.

Господи Боже, Сыне Единородный—Искупителю, Божественною Твоею кровію окропи и мене—непотребнаго!

Господи Боже, Душе Святый—Оживотворителю, Божественною Твоею благодатію оживотвори и мою душу, умерщвленную грѣхами!

Троице Святая Единосущная, животворящая и нераздѣльная,—
Боже Единый, вездѣсущій, всесодержащій и всевидящій, милости-
вымъ Твоимъ окомъ, призри на мя грѣшнаго, и имиже вѣси судь-
бами устрой мнѣ спасеніе имене ради святаго Твоего!

Святой, святой святой, Трисвятой Господи, помилуй мя—пад-
шее созданіе Твое, имене ради Святаго Твоего! 3.

Прійдите поклонимся

Помилуй мя Боже

Вѣрую во Единого

1. Боже вѣчный и Царю всякаго созданія
2. Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ
3. Господи Боже нашъ, въ Него же вѣровахомъ
4. Вседержителю, Слово Отчее
5. Господи, Царю небесный, Утѣшителю
6. Пресвятая Владычице моя Богородице
7. Ангеле Христовъ, Хранителю мой Святой

8. МОЛИТВЕННОЕ ПРИЗЫВАНІЕ СВЯТЫХЪ.

О. всеблаженніи Серафими, Херувими и Престоли, Господст-
вія, Силы и Власти, Начала, Архангели и Ангели, со блажен-
нымъ Предтечею, Патріархами, Праотцами, Пророками, Апостола-
ми, Святителями, Мучениками, Преподобными, со всѣми Правед-
ными и Святыми, воздохните о мнѣ грѣшномъ ко Господу Богу,
да проститъ вся моя согрѣшенія, да даруетъ ми благодать Свою,—
прочее время живота моего, безъ порока, въ покаяніи преити, по
исходѣ же моемъ хотя самымъ послѣднимъ водворитися въ цар-
ствіи Его небеснемъ. Аминь.

МОЛИТВА СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.

Благословенъ еси, Владыко Вседержителю, просвѣтивый день
свѣтомъ солнечнымъ, и ночь уяснивый зарями огненными. Иже
долготу дне прейти насъ сподобилъ еси, и приблизитися къ нача-
ломъ ночи, услыши моленіе наше и всѣхъ людей Твоихъ, всѣхъ
насъ прости, вольная и невольная согрѣшенія! Пріими вечернее
наше моленіе, и ниспосли множество милости Твоея и щедротъ
Твоихъ на достояніе Твое! Остѣни насъ святыми Твоими Ангелы,
вооружи насъ оружіемъ правды, огради насъ истиною Твоею, соб-
люди насъ силою Твоею, избави насъ отъ всякаго обстоянія и
всякаго навѣта сопротивнаго: подаждь же намъ и настоящій вечеръ
съ приходящею ночью, совершенъ, святъ, миренъ, безрѣшенъ,

безблaзненъ, безмечтаненъ, и вся дни живота нашего: молитвами Свѣтлѣ Богородицы и всѣхъ свѣтлѣхъ отъ вѣка Тебѣ благоугодившихъ, аминь.

Ненавидѣющихъ и обидающихъ насъ.

Благослови, Господи Боже мой, всѣхъ близкихъ моему сердцу—родныхъ и знакомыхъ, начальниковъ и благодѣтелей, домочадцевъ и враговъ моихъ! Всѣхъ спаси и помилуй насъ!

ИСПОВѢДАНІЕ ГРѢХОВЪ.

Исповѣдаю Тебѣ, Господу Богу моему.

Взбранной Воеводѣ побѣдительная.

Преславная Приснодѣво.

Все упованіе мое.

Богородице Дѣво, не презри.

Упованіе мое Отецъ.

МОЛИТВА СВѢТАГО ІОАННА ДАМАСКИНА.

Владыко челоуѣколюбче, не ужели мнѣ одрѣ сей.

Просвѣти очи мои, Христе Боже.

Слава:

Заступникъ души моя буди, Боже.

И нынѣ:

Преславную Божию Матерь.

МОЛИТВА ЧЕСТНОМУ КРЕСТУ.

Да воскреснетъ Богъ.

Благодарю Тя, Господи Боже мой, за всѣ оказанныя Тобою мнѣ и всѣмъ людемъ благодѣянїя: за искушенїе, за свѣтлѣ вѣру, за св. Таинства, за всѣ св. внушенїя ко спасенїю.

Господи Боже мой! Прости мнѣ мои безчисленные грѣхи, самѣмъ ли дѣломъ они содѣланы, намѣренїемъ ли, желанїемъ ли или даже только мыслію. Прости, Премилосердый Господи, всѣ мои согрѣшенїя!

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Милостиве, помилуй мя падшаго!

Милосерде Господи, помилуй мя грѣшнаго!

Избави мя, Господи Боже мой, отъ вражескихъ искушенїй во

снѣ и въ нощи: но послѣ мнѣ своего Ангела Хранителя, да сохранитъ онѣ душу и тѣло мое отъ всякаго зла.

Псаломъ 90. Живѣй въ помощи Вышняго.

Часы Святаго Іоанна Златоуста.

19. Господи, даждь ми смиреніе, цѣломудріе и послушаніе!

20. Господи, даждь ми терпѣніе, великодушіе и кротость!

21. Господи, всели въ мя корень благихъ, страхъ Твой въ сердце мое!

или:

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго 300.
День прешедъ, благодарю Тя, Господи.

Слава:

День прешедъ, славословлю Тя, Владыко.

И нынѣ:

День прешедъ, пѣснословлю Тя, Святыи.
Тебе Бога хвалимъ, Тебе Господа исповѣдуемъ.

VIII

Полунощныя молитвы.

въ полночь.

*Полунощи востахъ—исповѣдаться Тебѣ
(Господи) о судьбахъ правды Твоея.*

ПОЛУНОЩНЫЯ МОЛИТВЫ.

Се женихъ грядетъ.

Пс. 50. Помилуй мя Боже.

Полунощная пѣснь ко Пресвятѣй Богородицѣ.

Воспѣваю благодать Твою, Владычице.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНАГО НИЛА СОРСКАГО.

Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ ти злѣ! Но вѣмъ благоутробное Твое человеколюбіе. Того ради припадаю и молюся Твоей благодати, да придетъ на мя милость Твоя, Владыко! Яко смятеся душа моя, и болѣзненна будетъ во исхожденіи своемъ отъ окаяннаго моего и сквернаго тѣлесе сего, да не когда луковый супостата совѣтъ срящетъ и препнетъ ю во тмѣ, невѣдомыя и вѣдомыя въ житіи семъ бывшіе ми грѣхи. Милостивъ буди ми, Владыко, и да не узритъ душа моя мрачнаго взора лукавыхъ демоновъ, но да примутъ ю ангели Твои, свѣтліи и пресвѣтліи. Имѣяй власть оставлять грѣхи, остави ми, да почию и да не обрящется грѣхъ мой предъ Тобою, еже согрѣшихъ немощи ради естества моего, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ въ разумѣ и неразуміи. Да обрящуся предъ Тобою, въ совлеченіи тѣла моего, не имущъ никоеяже скверны на образѣ души моея, и да не приметъ мене грѣшника рука темнаго князя міра сего, еже исторгнути мя во глубину адову, но представи ми и буди спасъ и заступникъ! Помилуй, Господи, осквернившуюся страстьми житія сего душу мою, и чисту ю поканіемъ и исповѣданіемъ прими, и Твоею силою возведи мя на Божественное Твое судище! И егда придеши, Боже, на землю со славою и сядеши, Милостиве, на престолѣ Твоемъ, праведный Твой судъ судити. мы же вси нази, яко осуждени, неумытному Твоему суду предстанемъ, и егда начнеши творити испытаніе нашимъ согрѣшеніемъ: тогда, Преплагій, не обличи моя тайная, ниже посрами мене предъ ангелы и человеки, но пощади мя, Боже, и помилуй мя! Понеже страшное Твое судище помышляя, Преплагій, дне суднаго трепещу и боюся, отъ совѣсти моея обличаемъ и скорблю зѣло о дѣяніяхъ моихъ луковыхъ, и недоумѣваюся, како отвѣщая Тебѣ, безсмертному Царю, яко Тебе горче прогнѣвахъ коимъ ли дерзновеніемъ воззрю на Тя—страшнаго Судію,—азъ скверный и блудный! Но, Господи, благоутробне Отче, Сыне единородный и Душе святой, помилуй мя и избави мя тогда огня неугасимаго, и сподоби одесную Тебѣ стати. Судіе праведнѣйшій! Аминь.

МОЛИТВА СВЯТАГО ЕФРЕМА СИРИНА.

Величая величаю Тебя, Господи, что призрѣлъ Ты на смиреніе мое, и не предалъ меня въ руки врагъ моихъ и спасъ отъ нужды душу мою.

И нынѣ, Владыко, да покроетъ меня рука Твоя и да придетъ

на меня милость Твоя; ибо смущена душа моя и сильно скорбитъ, чтобъ, при исходѣ изъ бѣднаго тѣла сего, не встрѣтила ее лукавая рука сопротивника и не удержала во тьмѣ за грѣхи, содѣланные мною въ жизни сей, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи.

Буди милостивъ ко мнѣ, Владыко всяческихъ! да не увидитъ душа моя омраченнаго взора лукавыхъ бѣсовъ, но да пріимутъ ее чистые и свѣтлые Ангелы Твои.

Дай славу имени Твоему святому, и силою Твоею возведи меня къ Божественному Твоему престолу.

И когда буду судимъ, да не восхититъ меня рука князя міра сего, чтобы увлечь меня грѣшнаго въ глубину адскую. Но Ты предстань мнѣ и будь моимъ заступникомъ.

Помилуй, Господи, душу мою, осквернившуюся страстями жизни сей; и если въ чемъ, какъ человѣкъ, по слабости естества прегрѣшилъ я словомъ или дѣломъ, или мыслию,—Ты, имѣющій власть оставлять грѣхи, прости и отпусти мнѣ, да обрѣту прохладу, и окажусь предъ Тобою неимѣющимъ нечистоты или скверны, и неукоризненнымъ, неочерненнымъ да пріиметъ меня рука Твоя, Владыко, ибо Ты благословенъ во вѣки, аминь.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, призри на мя, по милости Твоей, и уврачуй мои немощи, имене ради святаго Твоего!

Даруй ми, Господи, вѣру непостыдну, надежду извѣстну, любовь нелицемѣрну!

Благослови, Господи, моя входы и исходы, дѣянія, дѣла, слова и помышленія!

Вѣрую. Господи, помози моему невѣрію, приложи ми вѣру: Самъ возжги въ сердцѣ моемъ свѣтильникъ вѣры, да озаряетъ онъ всѣ пути моя жизни, и да побуждаетъ меня ко благоугожденію Тебѣ, Дажь ми, Господи, возлюбити Тя отъ всего сердца моего, отъ всей души моя, отъ всего помышленія, и всею крѣпостію!

Дажь ми всегда и во всемъ творити волю Твою, Господи!

Тебѣ, Господи предаю себе всецѣло, ими же вѣси судьбами спаси мя, недостойнаго раба Твоего!

Твой есмь азъ, Спасе,—спаси мя!

Посли мнѣ, Господи, благодать Твою, и укрѣпи мя въ ней!

Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!

Не отвержи мене отъ лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене!

Воздаждь ми радость спасенія Твоего, и Духомъ Твоимъ Владычнымъ утверди мене!

Утверди насъ въ Тебѣ, Господи, древомъ умерщвлей грѣхъ, и страхъ Твой всели въ сердца насъ, поющихъ Тя!

Иисусе мой сладчайшій, не погуби мене внезапною смертію, но даруй ми прежде конца покаяніе!

Въ Тебѣ, Спасе мой, въ Тебѣ единомъ оправдаюся. Тѣмже погружаю себя въ бездну безпредѣльнаго милосердія Твоего и умоляю Тя ради честныхъ Твоихъ страданій, ими же вѣси судьбами, спаси мя, недостойнаго раба Твоего!

Веди мене, служителя Твоего, Христе, куда Тебѣ угодно: то-чю помози ми, безъ Тебе бо не могу творити ниче-соже.

Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй меня—сквернаго, блуднаго, нечистаго, непотребнѣйшаго раба Твоего!

Помилуй по милости Твоей, и не осуди мя по дѣламъ моимъ.

ЧАСЫ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

22. Господи, сподоби мя любити Тя отъ всея души моя и помышленія, и—творити во всемъ волю Твою!

23. Господи, покрый мя отъ человѣкъ нѣкоторыхъ и бѣсовъ и страстей и отъ всякія иныя неподобныя вещи.

24. Господи, вѣси яко твориши, якоже волиши, да будетъ воля Твоя во мнѣ грѣшнемъ, яко благословенъ еси во вѣки, аминь.

или:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! 300.

Владычице моя, Пресвятая Богородице, вси святіи Архангели и Ангели, и вси святіи угодники Божіи! воздохните о мнѣ грѣшномъ ко Господу Богу, да вашими св. молитвами проститъ, сохранитъ и спасетъ многогрѣшную и убогую душу мою!

Правило сіе составлялось въ продолженіи 12-ти лѣтъ, по руководству всѣхъ бывшихъ подъ руками правилъ святоотеческихъ, примѣнительно къ моему внутреннему складу.—Хотѣлось мнѣ правиломъ этимъ съ одной стороны, обнять всю область предметовъ, подлежащихъ молитвѣ, моленію, прошенію и благодаренію, а съ другой—занять молитвою все время и теченіе монашеской уединенной жизни, и такимъ образомъ—настроить молитвенную лиру въ многогрѣшной душѣ моей, и стяжать духъ непрестанной молитвы.

Окончено подѣ Уфимскими зарями,

1898 года 16 Октября.

Е. І.

Епископъ Іустинъ скончался 1903 года 26-го Сентября.

ПАСХА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Начиная съ Вербнаго воскресенія, все пути къ Іерусалиму переполнены паломниками. Среди нихъ встрѣчаются представители различныхъ національностей: русскіе, французы, англичане, негры, абиссинцы, арабы и др. Въ послѣдніе 3—4 года въ числѣ христіанскихъ паломниковъ стали все чаще встрѣчаться и христіане-японцы. Нѣкоторые изъ паломниковъ совершаютъ путешествіе по Палестинѣ верхомъ—на мулахъ или ослахъ, но большинство—пѣшкомъ. Русскіе богомольцы, среди которыхъ преобладаютъ крестьяне, путешествуютъ по Св. Землѣ пѣшкомъ. Они считаютъ грѣхомъ ѣздить, совершая поклоненіе Св. мѣстамъ. Тотъ, чье Высокое Имя привлекло ихъ сюда изъ далекихъ губерній Россіи, Самъ совершалъ почти все свои странствованія по Палестинѣ пѣшкомъ.

Здѣсь, въ Іерусалимѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ, чувствуется трогательная скорбь Страстной недѣли. Въ этомъ городѣ чуть ли не каждая сажень земли отмѣчена событіемъ изъ земной жизни Спасителя и пробуждаетъ въ сердцѣ всякаго вѣрующаго человека воспоминанія о страданіяхъ Бого-человѣка. Евангельскія событія съ удивительною отчетливостью встаютъ передъ духовнымъ взоромъ паломника, точно онъ самъ лично былъ свидѣтелемъ страданія Христа. Іерусалимъ—духовная родина христіанъ,—и это не фраза, въ особенности же по отношенію къ русскимъ паломникамъ. Несмотря на то, что здѣсь все—природа, нравы, языкъ—чуждо русскому простому паломнику, въ особенности же крестьянину изъ сѣверныхъ губерній, тѣмъ не менѣе онъ любитъ Св. Землю. Трудность путешествія, возмутительное издѣвательство надъ русскимъ паломникомъ различныхъ авантюристовъ, эксплуатирующихъ его здѣсь, длинные дни недоѣданія, а иногда и голодовки,—все это вмѣстѣ взятое не отвращаетъ русскаго богомольца отъ Святого города, а какъ будто бы еще болѣе укрѣпляетъ въ немъ тяготѣніе къ Іерусалиму. Онъ неохотно разстается со Св. Городомъ и возвращается домой: ему хотѣлось бы побыть здѣсь подольше.

Въ Іерусалимѣ больше, чѣмъ гдѣ либо, вы можете воочию убѣдиться въ той величайшей побѣдѣ, которую одержало надъ міромъ кроткое ученіе евангельской любви. Здѣсь тысячи людей на самыхъ разнообразныхъ языкахъ прославляютъ имя своего Божественнаго Учителя.

Торжества Страстной недѣли начинаются съ вечера Воскресенія Лазаря, когда Церковь воспоминаетъ торжественное шествіе Христа въ Іерусалимъ, и за всенощной въ память этого событія происходитъ освященіе ваіи.

Это торжество, какъ и всѣ послѣдующія, совершается въ храмѣ Воскресенія. Величайшая святыня христіанъ—величественный и обширный іерусалимскій храмъ Воскресенія Христова—основанъ царицей Еленой въ IV в. по Р. Х. на мѣстѣ, называвшемся въ древности „юдолю мертвыхъ“. Внутренность храма отличается богатствомъ: иконы украшены цѣнными ризами, пожертвованными изъ Россіи. Полъ выстланъ мраморными плитами. Здѣсь все говоритъ о священной драмѣ, разыгравшейся почти 2 тыс. лѣтъ тому назадъ. Вотъ возвышается пышно убранная часовня,—это святое святыхъ храма, кувуклія, пещера Гроба Господня. Далѣе, за рѣшеткой, находится камень, называемый „узы Спасителя“, съ двумя высѣченными въ немъ отверстіями, куда были заключены ноги Христа во время Его мученія въ преторіи. Еще далѣе придѣлъ во имя Дѣвы Маріи. Онъ стоитъ на томъ мѣстѣ, откуда Божія Матерь взирала на страданія своего Сына. Недалеко отсюда возвышается ослѣпленный лампадами и свѣчами продолговатый желторозоваго цвѣта „камень помазанія“. На этомъ Іосифъ и Никодимъ обвили пеленами Тѣло Христа. Въ западной части храма находится католическій храмъ, въ которомъ за рѣшеткой хранятся часть каменнаго столба, обрызганнаго кровью Спасителя во время Его бичеванія въ темницѣ. 40 ступеней ведутъ въ подземелье, гдѣ царица Елена въ 326 году обрѣла Крестъ Господень. Нѣсколько далѣе—греческій придѣлъ „поруганія и терноваго вѣнца“. Здѣсь, подъ престоломъ, лежитъ часть камня, на которомъ сидѣлъ Христосъ во время возложенія на него терноваго вѣнца. И еще рядъ мѣстъ, отмѣченныхъ страданіями Богочеловѣка, передъ которыми невольно склоняется голова и съ устъ срывается пламенная молитва.

Съ вечера кануна Вербнаго воскресенія въ храмѣ Воскресенія патріархъ іерусалимскій со всѣмъ клиромъ освящаетъ ваи и раздаетъ ихъ народу. Послѣ этого начинается богослуженіе, продолжающееся всю ночь.

Слѣдующая торжественная служба совершается въ великую среду. Передъ обѣдней въ храмѣ происходитъ чинъ елеосвященія въ память того событія, когда евангельская жена, купивъ фунтъ дорогого масла изъ благовоннаго дерева нарда, вылила его на ноги Спасителя и отерла ихъ своими волосами.

Въ среду же, вечеромъ, на священномъ дворѣ устраиваютъ возвышеніе, а ближе къ монастырю ставятъ аналой. Эти работы выполняются къ слѣдующему дню, къ обряду омовенія ногъ. Раньше, до завладѣнія католиками Сіонской горницей, этотъ обрядъ совершался тамъ; но теперь онъ совершается, если благопріятствуетъ погода, на площади передъ храмомъ. Въ Великій Четвергъ, послѣ обѣдни, на построенный помостъ вносятся 12 сидѣній, на которыхъ располагается 12 лицъ изъ числа высшаго мѣстнаго духовенства. Эти лица изображаютъ учениковъ Христа. Патріархъ разоблачается до подрясника, опоясывается полотенцемъ и начинаетъ омовеніе ногъ у сидящихъ. Этотъ величественный моментъ трогаетъ сердца. Огромная толпа паломниковъ какъ бы застываетъ въ религіозномъ умиленіи. Лишь только изрѣдка прерываютъ тишину сдерживаемое рыданіе или неожиданно произнесенныя вслухъ слова молитвы.

Трогательный обрядъ омовенія ногъ (по арабски „Хамисъ аль-Гусуль“ четвергъ омовенія) раздражалъ фанатиковъ—мусульманъ. Желая умалить значеніе этого христіанскаго символа, магометанскіе богословы народировали торжество обряда, и установили свой четвергъ омовенія—„Хамисъ лаъ-Машаехъ (четвергъ шейховъ). Но святость идеи христіанскаго обряда восторжествовала надъ лукавымъ измышленіемъ враговъ христіанства; пародированное празднество укрѣпилось въ мусульманствѣ, чаруя своею красотой сердца иновѣрцевъ. Въ настоящее время пародія превратилась въ величайшей важности религіозное событіе, и этотъ обрядъ выполняется почитателями Магомета также очень торжественно и также вызываетъ религіозный экстазъ. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, какъ протекаетъ это торжество у мусульманъ Сихема, Хомса и Акры. Этотъ обрядъ также выполняется и въ другихъ мусульманскихъ центрахъ, съ Меккой включительно. Мусульмане не только очень охотно позволяютъ христіанамъ присутствовать на этомъ празднествѣ, но даже сами приглашаютъ ихъ въ качествѣ почетныхъ гостей. Многіе митрополиты, свершивъ чинъ омовенія, присутствуютъ въ качествѣ почетныхъ гостей на мусульманскомъ Хамисѣ (четвергъ) Въ послѣдній разъ я присутствовалъ на этомъ праздникѣ въ Хомсѣ. Хомскіе мусульмане справляютъ это торже-

ство за городомъ вблизи гробницы почитаемаго ими сподвижника Магомета и завоевателя Хомса (Эмесса)—саида Халиба.

Снятіе со Креста Тѣла Божественнаго Страдальца воспоминается въ Іерусалимѣ слѣдующимъ торжествомъ: въ Великую Пятницу вечеромъ совершается выносъ Плащаницы. Послѣ утрени, которую служитъ патріархъ, все духовенство отправляется на Голгоѳу, гдѣ на престолѣ уже лежитъ Плащаница. Здѣсь совершается служба, послѣ которой настоятель русской миссіи, лучшій проповѣдникъ въ Іерусалимѣ, арх. Леонидъ произноситъ проповѣдь. Какъ только окончилась проповѣдь, патріархъ и архіереи несутъ Плащаницу съ Голгоѳы. Трижды обходятъ съ Плащаницей „камень помазанія“, возлагаютъ ее на камень, осыпая живыми цвѣтами и кропя освященною розовою водою. Здѣсь вновь совершается служба, послѣ которой говоритъ проповѣдь арабскій священникъ. Какъ только послѣдній окончитъ свое слово, Плащаницу вновь поднимаютъ и несутъ въ пещеру Гроба Господня, гдѣ она и остается.

По окончаніи утрени, ночью въ пятницу, всѣ огни въ православныхъ и армянскихъ храмахъ и придѣлахъ храма Воскресенія тушатся. Двери храма запираются мусульманскою стражей. Это подготовленіе къ завтрашнему торжеству, къ свершенію обряда Святого Огня.

Въ Великую Субботу, около 10 часовъ утра, турецкая стража вновь отпираетъ двери храма. Турецкіе солдаты размѣщаются въ немъ для поддержанія необходимаго порядка, и только тогда дается доступъ въ храмъ богомольцамъ. Шумнымъ потокомъ врываются вѣрующіе въ храмъ, стараясь занять мѣсто ближе къ пещерѣ Гроба Господня, гдѣ должно произойти чудо Св. Огня. Этотъ обрядъ, совершающійся исключительно въ Іерусалимскомъ храмѣ Гроба Господня, всецѣло принадлежитъ православнымъ и армянамъ. Католики не принимаютъ участія въ этомъ торжествѣ. Какъ символъ таинственнаго общенія неба съ землею и человека съ Богомъ, обрядъ повергаетъ въ благоговѣйный трепетъ сердца и создаетъ для вѣрующаго радость ощущенія близости Божества. Право свершенія этого обряда съ давнихъ поръ принадлежало прежнимъ хозяевамъ страны—православнымъ. Только по молитвамъ ихъ первосвященника-патріарха возжигается чудесный огонь у Гроба Господня. Но съ того момента, когда греческое государство пало подъ ударами завоевателей магометанъ, право на возженіе огня стало оспариваться представителями другихъ близкихъ къ православію христіанскихъ исповѣданій: армянъ, коптовъ, яковитовъ и др. Какъ свидѣтельство этой борьбы, греки

въ настоящее время показываютъ внѣ храма на лѣвой сторонѣ, колонну съ зіяющею на ней трещиной. По преданію, однажды, въ пасхальную ночь турки не допустили въ храмъ греческаго патріарха, а предоставили право на возженіе священнаго огня армянамъ. Армяне долгое время ожидали чуда, тщетно ихъ духовный глава—патріархъ—усердно молился предъ Гробомъ—Божественный свѣтъ не сходилъ. Вдругъ среди яснаго, безоблачнаго неба раздается громовой ударъ. Мраморная колонна треснула, и изъ этой трещины вышелъ огонь. Православный патріархъ, молившійся передъ храмомъ, всталъ и зажегъ свои свѣчи, а отъ него получили огонь всѣ православные.

Въ Великую Субботу, еще задолго до полуночи, начинается оживленное движеніе по Іерусалимскимъ улицамъ. Улицы эти не освѣщаются по ночамъ, а потому паломникамъ, торопящимся въ храмъ Воскресенія на свѣтлую заутреню, приходится самимъ себѣ освѣщать путь факелами. За городомъ загораются свѣтлые костры расположившихся здѣсь кочевыхъ племенъ. Храмъ буквально тонетъ въ морѣ огней. Онъ весь залитъ свѣтомъ, какъ снаружи, такъ и внутри. Вотъ, наконецъ, 12 часовъ. Наступленіе Пасхи встрѣчается ружейною пальбой собравшихся къ храму православныхъ арабовъ, главнымъ образомъ, изъ молодежи. По туземнымъ возрѣніямъ, „тотъ женихъ—не женихъ, кто не стрѣлялъ на Пасху“.

Храмъ полонъ молящимися, пустуютъ только владѣнія католиковъ, такъ какъ послѣдними уже отпразднована Пасха. Днемъ встрѣтили Пасху сирійцы—арабы и копты. Поэтому сейчасъ изъ ихъ придѣловъ долетаютъ радостные возгласы, извѣщающіе о Воскресеніи Христа. Въ придѣлахъ же православныхъ грековъ еще раздаются печальные мотивы скорби. Но вотъ Царскія врата соборнаго православнаго храма открываются и оттуда показывается шествіе. Впередъ несутъ хоругви, а за ними духовенство во главѣ съ патріархомъ. Одежды священнослужителей болѣе чѣмъ великолѣпны. Блестящія, тканья серебромъ ризы, въ митрахъ и въ напейныхъ крестахъ сверкаютъ драгоценные камни. Крестный ходъ, трижды обойдя вокругъ часовни Гроба Господня, останавливается у входа въ пещеру. Пасхальная утренняя служится на греческомъ языкѣ, но многіе возгласы ектеніи и пѣснопѣнія совершаются по-славянски. Утренняя окончилась. Ударилъ большой колоколъ. Изъ пещеры Гроба Господня раздается радостный возгласъ патріарха:

—Христосъ анести...

Великій свѣтлый праздникъ наступилъ.

—Христосъ воскресъ—вторять патріарху возгласы русскихъ.

—Аль Масихъ Камъ,—ту же фразу повторяютъ арабы.

Вечерня въ первый день Пасхи, проходящая въ Россіи незамѣтно, въ Іерусалимѣ служитъ очень торжественно и привлекаетъ много богомольцевъ. Здѣсь она называется „деветра анастасисъ“ (второе воскресеніе). Во время этого богослуженія, а не во время заутрени, какъ въ Россіи, читается св. Евангеліе на 12 языкахъ. По окончаніи cadaго чтенія раздаются удары колоколовъ. По окончаніи вечерни патріархъ выходитъ изъ алтаря и, сѣвъ на свое мѣсто христосуется со всѣмъ народомъ.

Въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ не находится въ числѣ духовныхъ лицъ, знающихъ тотъ или иной иностранный языкъ, поручается чтеніе евангелія на этомъ нарѣчій мірянину. Пишущему эти строки не разъ приходилось въ Палестинѣ быть чтецомъ евангелія на славянскомъ языкѣ, главнымъ образомъ, въ мѣстечкѣ Рефидія, вблизи Сихема.

Заутрени на Пасхѣ привлекаетъ въ храмы всѣхъ безъ исключенія жителей Палестины, даже больные стараются присутствовать при этомъ великомъ торжествѣ. Но, къ чести мѣстныхъ жителей надо отнести, здѣсь не бываетъ ни кражъ, ни ограбленій оставленныхъ на произволъ судьбы квартиръ христіанъ, несмотря на всѣ недостатки и малочисленность турецкой полиціи и значительное число нищихъ.

Христіанскія торжества Страстной недѣли и Пасхи привлекаютъ къ себѣ сердца даже мусульманъ, въ особенности же ихъ женщинъ. Такъ, на примѣръ, въ Хомсѣ (Эмессѣ), среди квартала магометанъ находится православная церковь и при ней гробница Св. Юліана. Въ Страстную субботу мѣстныя мусульманки украшаютъ гробницу этого христіанскаго святаго цвѣтами и зажигаютъ передъ нимъ свѣчи. Божія Матерь высоко чтится повсюду мусульманками. Лѣтъ семь тому назадъ, во время моего пребыванія въ Хомсѣ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующаго случая: мусульманка, по имени Феридѣ, со слезами на глазахъ просила мѣстнаго православнаго священника о. Ильясъ (Илья) тайно причастить ее. Священникъ, понятно, отказался приобщить Св. Тайнъ некрещеную магометанку, но прочиталъ надъ ней главу изъ Евангелія и далъ ей освященной воды. Послѣдующіе дни (я пробылъ у о. Ильясъ выше недѣли) убѣдили меня, что этотъ случай не былъ исключительнымъ. Чуть ли не каждый день являлись къ священнику мусульманки и просили то священной воды, то прочитать надъ ними и ихъ дѣтьми Евангеліе.

„М. В.“

ПАСХА НА АФОНѢ.

Едва только смерклось, собрались мы въ храмъ, прочли Дѣянїя Апостольскїя, и остатокъ времени, до полуночницы, провели въ чтенїи Пролога и во взаимности душеспасительныхъ бесѣдъ, а я—нечего грѣха таить!—и подремалъ отчасти, въ изнеможенїи плоти и духа, Наконецъ приблизилась минута священной Великой полуночи. Мы пошли въ соборъ. Въ числѣ другихъ, и я подступилъ къ Игумену, стоявшему въ архїерейской мантии на своемъ возвышенномъ мѣстѣ, среди церкви, и, поклонившись въ ноги, по здѣшнему обыкновенїю, получилъ отъ него свѣчу для торжественной встрѣчи Побѣдителя ада и смерти, и для принятїя отъ Него божественнаго привѣта: „*Радуйтесь.*“ Какъ, впрочемъ, ни было велико наступающее торжество; какъ ни радостно было движеніе иноковъ, но мое сердце тревожно билось, при мысли, что я не буду видѣть и слышать здѣсь того, чѣмъ поражались и поражаемся мы въ Россїи, при первыхъ звукахъ пасхальныхъ напѣвовъ. Я грустилъ и тосковалъ среди гробового молчанїя разсѣвшейся по мѣстамъ своимъ братїи.

Кончилась полуночница; запылали тяжелыя паникадила, лампы и огромное мѣдное кольцо, опущенное, среди церкви, отъ самаго главнаго купола, на мѣдныхъ цѣпяхъ; всѣ они загорѣлись множествомъ свѣчъ, и въ одно мгновенїе братство, подобно мудрымъ дѣвамъ, украсило свои свѣтильники, и весь соборъ священныхъ лицъ, въ сопутствованїи Игумена, тронулся въ притворъ, при пѣніи: „*Воскресенїе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить.*“ Внѣшняя церемонїя, яркое освѣщенїе собора, радостныя бѣлыя облаченїя священнослужителей невольно потрясли мое сердце и умилительный трепетъ пробѣжалъ по моимъ членамъ. Наконецъ—„*Христосъ, воскресъ!*“—хотя монотонно, но торжественно отозвалось въ притворѣ, и при этихъ первыхъ звукахъ нашей вѣчной, нашей всегдашней и нескончаемой Пасхи, загудѣли колокола, деревянные токи и доски чугунныя, и вокругъ собора загремѣли выстрѣлы изъ ружей и пушекъ, и долго не умолкали, потрясая и воздухъ и сердца иноковъ, трепетавшихъ отъ радостной встрѣчи Божественнаго Искупителя.

Гармоническіе звуки металловъ, тяжелые удары и гулъ пальбы, словословіе старцевъ, небесная радость, разливавшаяся по ихъ безжизненнымъ, блѣднымъ ликамъ, при свѣтѣ безчисленныхъ огней— все это до такой степени растрогало и восхитило меня, что я невольно долженъ былъ сознаться въ душѣ своей, что я въ первый только разъ на моемъ вѣку встрѣчаю Пасху такъ торжественно и въ полномъ значеніи ея слова. Моя радость довершилась, когда среди греческихъ томныхъ напѣвовъ, раздалось на родномъ русскомъ языкѣ: *Христосъ Воскресе* и проч.

Замѣчательно при этомъ то, что на Востокѣ встрѣчать Христа не выходятъ, по нашему обыкновенію, вокругъ храма, а просто въ притворъ только.

При началѣ Пасхальнаго канона, на которомъ запѣвы у грековъ бываютъ не „*Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ*“, а обыкновенно: „*Слава Господи, святому воскресенію Твоему*“—мы ушли въ свой храмъ, и тамъ распѣвали вполнѣ по русски канонъ Пасхи; а христосоваться ходили въ соборъ, гдѣ дослушали и окончаніе Свѣтлой утрени. Меня заняло здѣсь въ особенности христосованье братства. Строго держась законоположеній Церкви, здѣсь цѣлуются только въ плечи. Всѣ мы были въ единственный этотъ день причастниками Божественной Трапезы, то есть, Тѣла и Крови нашего Господа. Литургія совершена была въ соборѣ.

Послѣ Литургіи, нашъ маститый Игуменъ, въ мантии съ жезломъ, при колокольномъ звонѣ сопровождаемый братствомъ, вошелъ въ трапезу, сѣлъ посреди ея, на приготовленный для него стулъ, и раздавалъ намъ красныя яйца.—Сцена была умилительная! Въ избыткѣ духовнаго торжества, забывши и минувшій трудъ и подвиги поста, старцы представлялись совершенными дѣтьми, такими, какимъ обѣщалъ Господь Свое царство. Пока Игуменъ раздавалъ красныя яйца, старцы разсаживались по мѣстамъ, попеременно поя: „*Христосъ воскресъ*“,—то на греческомъ, то на русскомъ языкахъ, и дѣтски пользуясь данными яйцами,—кто чье разобьетъ, и кто искуснѣе въ битвѣ. Эта черта простоты и невинности мнѣ напомнила золотое время дѣтства; мысли мои перебѣжали по протекшему пространству жизненныхъ годовъ моихъ; обрисовали въ воображеніи подобныя настоящимъ сцены, и слезы живой признательности Богу готовы были навернуться на глазахъ моихъ, за то дѣтское, именно райское блаженство, которымъ я наслаждался здѣсь между сѣдѣвшими и бѣлыми, какъ лунь, дѣтьми Евангельской простоты.

Трапеза была исполнена утѣшенія, и судя по пустынночески, роскошна, то есть состояла изъ трехъ блюдъ. Вечерню мы слуша-

ли соборнѣ. Ради трехъ сряду всенощныхъ бдѣній (на Пятницу, Субботу и Пасху), очень утомившихъ братство, здѣсь на Литургіи не читають Евангелія на множество голосовъ и при колокольномъ переборѣ;—это бываетъ уже на вечерни. Чтеніе Евангелія у насъ производилось на слѣдующихъ языкахъ: на Новогреческомъ, на Еллинскомъ, на Турецкомъ, на Арабскомъ, на Молдаванскомъ, на Славянскомъ, и на Русскомъ. Послѣ вечерни Игуменъ, въ мантии и съ жезломъ своимъ, прошелъ, при многочисленныхъ выстрѣлахъ, на архондарикъ, и принималъ тамъ отъ всего братства поздравленіе, взаимно привѣтствуя всѣхъ и каждого радостнымъ—„Христосъ воскресъ!“.

Такимъ образомъ Пасха въ пустыни была единственною изъ всѣхъ торжественныхъ дней бывалою въ жизнь мою Пасхи, и я искренно признаюсь, что всѣ радости, всѣ наслажденія и забавы свѣта ничтожны въ сравненіи съ здѣшнею Пасхою, все равно, какъ ничтожна блѣдная мишура предъ чистымъ золотомъ.

На другой день, предъ обѣдней, совершенъ былъ крестный ходъ со св. мощами, по окрестнымъ монастырскимъ кельямъ и виноградникамъ, при безчисленныхъ ружейныхъ выстрѣлахъ рабочихъ. Наше торжественное пѣніе, сливаясь съ грохотавшимъ вдали эхомъ выстрѣловъ, переливалось по скатамъ сосѣднихъ холмовъ и по цвѣтущимъ рощамъ, и самую природу освящало божественнымъ привѣтомъ: „Христосъ Воскресе!“ Всѣ мы теперь веселы и рады, а главное,—безмятежны. О, я понялъ уже, я увѣрился опытомъ, что знаетъ Господь, какъ утѣшать и радовать рабовъ своихъ, ради любви Его оставившихъ міръ и все, что льститъ чувствамъ и мысли, и терпящихъ строгую жизнь отшельничества въ пустынѣ!

Святогорецъ.

ПАСХА ВЪ КИТАѢ.

Слава Богу! зимніе холода прошли. День отъ дня становится все теплѣе и теплѣе. Солнышко пригрѣваетъ, наполняя атмосферу теплымъ весеннимъ воздухомъ, въ небесахъ взоръ не встрѣчаетъ ни одного облачка, только изрѣдка подуетъ иной разъ сѣверный вѣтеръ, посвѣжеетъ денекъ—другой, а потомъ опять чудная теплая стоитъ погода. Деревца уже одѣлись листвою и цвѣтутъ, насыщая воздухъ своимъ ароматомъ. Яровые хлѣба посѣяны и уже взошли. Св. Четырдесятница кончилась. Наступаютъ великіе дни страстной седмицы, а тамъ и Праздникъ праздниковъ—Пасха святая. Входя Господень во Іерусалимъ, или какъ въ Россіи зовемъ Вербное Воскресенье, мы встрѣчали съ букетами ароматныхъ цвѣтовъ въ рукахъ. Была сирень, персиковые, абрикосовые цвѣты, яблони и другіе. Всенощную въ заново расписанномъ Успенскомъ главномъ храмѣ торжественно совершалъ Преосвященный Владыко, Начальникъ Миссіи. Народу была полная церковь, въ числѣ коего было наполовину буддистовъ, пришедшихъ посмотреть на христіанскую службу и полюбоваться на роспись храма. Въ открытыя наружныя двери живопись особенно привлекала мастичными красками, будучи освѣщена церковной люстрой. Начальнику Миссіи, Преосвященному Иннокентію давно хотѣлось, чтобы храмъ былъ расписанъ картинами изъ библейской исторіи Ветхаго и Новаго Завета, что было бы большимъ подспорьемъ для проповѣди, но скудость средствъ и недостача рабочихъ рукъ для сего святаго дѣла долго препятствовали его осуществленію. Нынѣ исполнилось желаніе Владыки, церковныя стѣны, дотолѣ пустыя-голыя, покрыты всею ма недурной живописью, св. Исторія представлена въ картинахъ, что дѣйствительно, весьма оживило проповѣдь. Картины привлекаютъ народъ, а тутъ уже находятся ученики, православные китайцы и рассказывая о содержаніи каждой картины интересуютъ слушателей. Китаецъ—буддистъ не выдавши ничего подобнаго, смотритъ на оныя какъ на живыя и поучается. Но возвратимся къ разсказу. Служба дванадесятаго праздника, довольно продолжительная, не утомила китайцевъ. Все время по церкви распрастранялся тихій шепотъ. То православные объясняли картины и разъясняли совершающіеся церковные обряды своимъ собратіямъ, что продол-

жалось до 11 час. ночи. Всѣ китайцы-христиане стояли со свѣчами. Кончилась утренняя. Владыко вернулся въ свои покои. Съ колокольни неслись торжественно-плавные звуки колоколовъ и замирали гдѣ то далеко-далеко. Китайцы медленнымъ шагомъ тоже стали расходиться по домамъ, освѣщая себѣ дорогу бумажными фонарями. Крикливые торговцы со своей походной кухней на коромыслахъ заждались у воротъ Миссіи покупателей, предполагая соблазнить веселую публику лакомыми мясными яствами, но, увы!, на этотъ разъ они ошиблись въ своихъ расчетахъ, православные китайцы строго соблюдая заповѣдь, съ презрѣніемъ проходили мимо своихъ соблазнительей. Торговцы, разводя руками, оставались въ недоумѣніи. Чтобы это значило?

На другой день въ самое Вербное Воскресенье еще задолго до звона, вокругъ Успенскаго храма царило большое оживленіе. Вотъ понамарь на лѣвой сторонѣ входныхъ дверей весело раздуваетъ плохо разгорающіеся уголья, помахивая кадиломъ, онъ окруженъ толпой учениковъ внимательно наблюдающихъ за сей процедурой. Съ другой стороны старшій діаконъ—китаецъ, онъ же и регентъ налаживаетъ голоса исполтчиковъ, здѣсь тоже есть любопытные. Собирается уже и народъ, который къ 8 ми часамъ наполнилъ церковь до тѣсноты. Въ 8 час. утра заблаговѣстили къ литургіи, которую въ этотъ день служилъ Самъ Владыко—Начальникъ Миссіи. По прибытіи Владыки началась Божественная служба. Пѣвчіе пѣли довольно изрядно на два хора. Проповѣдь въ свое время начтенное евангеліе произнесъ катехизаторъ Иванъ Жунъ. За всѣмъ симъ литургія шла своимъ чередомъ, особенностей никакихъ не было. Тѣ же молящіеся. На страстной недѣлѣ всѣ работали до Среды включительно. Со Среды же стали приготовляться къ достойному принятію Св. Таинъ. Рѣдкій печальный звонъ, длинная служба, протяжное пѣніе, постъ весьма утомили православныхъ китайцевъ, что доказывали блѣдность лицъ, вялость движеній, поникшія головы, замѣчавшіяся у каждаго встрѣчнаго. Для поддержанія бодрости и для развлеченія ихъ, Владыко задалъ урокъ всѣмъ ученикамъ, ученицамъ и даже нѣкоторымъ рабочимъ выучить къ Пасхѣ пѣть пасхальный канонъ и для сего время опредѣлено было съ 10 ч. у. до 12, т. е. до обѣда. Пѣвчіе были раздѣлены на три партіи къ каждой партіи приставленъ особый регентъ. Пѣли или всѣ вмѣстѣ или порознь возбуждая между собой соревнованіе. Это такъ понравилось всѣмъ, что забыли усталость и тяготу дня, такъ что печаль преположила въ радость. Теперь ждали только Праздника праздниковъ, Св. Пасхи. Занялись чисткой улицъ, посадкой цвѣтовъ во-

кругъ церкви и зданій, уборкой церквей, печеніемъ куличей, дѣланіемъ пасокъ, окраской яицъ, словомъ опять все оживилось, не смотря на длинныя службы и постъ, что весьма строго исполнялось китайцами. Въ Великую Среду, Преждеосвященную литургію совершалъ Владыко по случаю посвященія монаха во іеродіакона. Въ этотъ же день была усиленная исповѣдь, такъ какъ въ Великій Четвергъ всѣ приобщались Св. Таинъ. Въ Великую Пятницу было совершено крещеніе 60-ти человекъ китайцевъ. Таинство было совершено во вновь устроенной крещальнѣ рядомъ съ церковью Св. Мучениковъ, совершалъ оное священникъ китаецъ. Въ 2 часа дня былъ торжественный выносъ плащаницы. Его совершалъ самъ Владыко изъ Иннокентіевской церкви въ Успенскую. Во всѣ Архіерейскія службы новый діаконъ по своему желанію исполнялъ должность иподіакона.

Наступила Страстная Суббота. Св. плащаница все время стояла раскрытою посреди церкви. Какъ до службы, такъ и послѣ службы народъ не переставая прикладывался къ оной обычнымъ порядкомъ. И нужно было видѣть, съ какимъ умиленіемъ и съ трепетомъ нѣкоторые китайцы прикладывались къ плащаницѣ. Вотъ и новокрещенные въ первый разъ прикладываются къ святынь. Они сразу выдѣляются изъ числа всѣхъ, своимъ неумѣніемъ класть на себя крестное знаменіе, творить поклоны и. т. под., всѣ старокрещенцы съ любопытствомъ смотрятъ на нихъ, а катехизаторы стараются исправлять замѣченныя ошибки. Литургія окончилась въ 10 часовъ. Послѣ обѣдни время, въ суетѣ, хлопотахъ, при уборкѣ и украшеніи церкви, съ развѣшиваніемъ фонарей, подошло незамѣтно къ вечеру. Въ 8 час. вечера ударили въ колоколъ къ чтенію Дѣяній апостольскихъ. Читали дѣянія по китайски катехизаторы и школьники. Собравшимся въ ожиданіи заутрени богомольцамъ позволялось присѣсть и даже прилечь какъ въ Россіи, но къ чести китайцевъ-христіанъ никто въ продолженіе чтенія Дѣяній не присѣлъ даже а всѣ до самой утрени были на ногахъ, кто внимательно слушая чтеніе о подвигахъ апостольскихъ, а кто бродя по церкви и слушая объясненія написанныхъ на стѣнахъ библейскихъ картинъ. Противъ алтаря и у входной двери въ церковь висѣли маузеровскіе фонари съ горѣлками ауэра. Въ безлунную темную ночь свѣтъ этихъ фонарей казался ослѣпительнымъ. Китайцы все время толпились около ихъ, привлекаемыя не только новизною освѣщенія, но и шумомъ, издаваемымъ лампами при горѣніи, напоминающимъ жужжаніе большой пчелы. На колокольнѣ тоже былъ поставленъ такой же фонарь, привлекшій и сюда десятокъ другой—любопытныхъ, которые

проходя неакуратно мимо колокола, производили звонъ, задѣвая за веревки. Въ 11 час. ночи безъ звона, безъ встрѣчи пришелъ во храмъ Владыко. Всѣ пришло въ движеніе. Богомольцы стали разстановливаться по мѣстамъ. Духовенство и клирики стали облачаться въ священныя одежды. Вотъ ударилъ колоколъ и плавные его звуки ясно разносились въ ночной тиши, неся съ собою ближайшимъ христіанамъ радостную вѣсть о Воскресеніи Христовомъ. Черезъ $1\frac{1}{2}$ часа церковь была полна молящимися. Зажгли свѣчи, и къ 12 час. вся церковь сіяла огнями. Для порядка у входныхъ дверей храма стояла китайская полиція изъ военныхъ офицеровъ. Вокругъ храма зажжена была иллюминація изъ китайскихъ фонарей, плашекъ и т. под., а когда пошелъ вокругъ церкви крестный ходъ, то стали пускать феерверкъ и ракеты, на изготовленіе коихъ китайцы большіе мастера. Въ воздухѣ носились гуль отъ ракетъ и гармоничный, радостный красный звонъ колоколовъ. Въ крестномъ ходу хоругви несли китайскіе солдаты-православные, фонарь же крестъ и иконы—наши миссійскіе рабочіе. Торжественно звучало „Воскресеніе Твое Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ“, сопровождаемое краснымъ звономъ и гуломъ взрывавшихся ракетъ. Но вотъ обошли храмъ и остановились у западной двери. Архіерей запѣлъ: „Христосъ воскресъ“ со стихами. Пѣвчіе вторили на трехъ языкахъ: славянскомъ, греческомъ и русскомъ. Наконецъ отворили двери и съ радостнымъ громкимъ пѣніемъ „Христосъ воскресъ“ вошли во храмъ и утренняя началась обычнымъ порядкомъ. Послѣ заутрени сей часъ же начали литургію, во время которой евангеліе читалось на четыре стороны на славянскомъ, на трехъ китайскихъ нарѣчіяхъ: гуань, вень и су-хуа. Послѣ литургіи всѣ присутствовавшіе въ церкви, исключая буддистовъ, двинулись къ Преосвященному Начальнику Миссіи въ покои на поздравленіе, гдѣ послѣ концерта „Радуйтесь людіе“, и „Христосъ Воскресе“. братіи монастыря, сестрамъ общины и всѣмъ клирикамъ было предложено обильное розговѣнье. Затѣмъ, поблагодаривъ Владыку и испрсивши у него благословеніе, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Колокольный же трезвонъ не умолкалъ всё время. Такъ отпразднована въ семь году Пасха въ отдаленномъ Китаѣ. Отраднѣе всего русскому сердцу, то, что сіи великіе дни праздновали такъ, какъ и въ Россіи.

СВѢТЛАЯ НОЧЬ ВОСКРЕСЕНІЯ.

Пришелъ великій вечеръ. Огни погашены. Въ домѣ настала тишина. Всѣ улеглись на покой въ ожиданіи торжества. Шумъ на улицахъ умолкъ: и тамъ все чего-то ждетъ, къ чему-то готовится. Только въ моей комнатѣ свѣтится еще огонь, и изъ тишины, которая окружаетъ меня, слышатся голоса таинственной ночи, голоса далекаго и близкаго прошедшаго.

Какъ много говорятъ они мнѣ—нѣтъ, не просто говорятъ, а шепчуть, лаская чувство, и будятъ одно за другимъ воспоминанія дѣтства и юности. Вся жизнь моя прошла въ этомъ тихомъ пріютѣ. Здѣсь висѣла колыбель моя. Здѣсь, у окна, сидѣла и приговаривала меня ко сну старая няня. Никогда уговоры ея не были такъ усердны и убѣдительны, какъ въ этотъ вечеръ, подѣ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, и никогда дѣтское упрямство не было такъ настойчиво. Какъ можно заснуть вечеромъ, когда цѣлый день былъ одною веселою пѣснью о той радости, какая будетъ завтра, когда съ самаго утра начинался рядъ тѣхъ необыкновенныхъ явленій, которыя всегда совершаются въ домѣ передъ большимъ праздникомъ и всего болѣе привлекаютъ и занимаютъ воображеніе. Вчера еще кончилось цѣлыхъ два дня продолжавшееся мытье, чищеніе и убиранье: сегодня съ утра цѣлый домъ смотритъ заново, свѣжъ, выметенъ и украшенъ: новымъ духомъ вѣетъ отъ него, духомъ радостнаго ожиданія. А сегодня начались новыя работы; сегодня какъ только пришли отъ обѣдни,—всѣ занялись малыми дѣлами—готовятъ платья, красятъ яйца; дѣти перебираютъ свои игрушки и, подражая большимъ, чистятъ и моютъ маленькое свое ховяйство. Сколько новыхъ толковъ поднялось въ этомъ маленькомъ мірѣ, сколько суеты и заботы о томъ, что для взрослога давно потеряло всякую цѣну, а для ребенка составляетъ важное дѣло, великое событіе! Завтра „Христосъ воскресъ!“ завтра праздникъ! и никогда не понять взрослому, сколько прелести для ребенка въ одномъ этомъ словѣ: праздникъ! Старшія дѣти знаютъ, что они пойдутъ къ заутрени вмѣстѣ съ большими, и вмѣстѣ съ большими улеглись они спозаранку въ ожиданіи ночи. Старшія дѣти хотятъ спать и не могутъ: маленькія дѣти могутъ и не хотятъ. И какъ имъ спать,

когда отовсюду изъ кроватей слышится шопотъ, слышатся отрывистые переговоры о томъ, что завтра будетъ, что было сегодня. Какъ имъ спать, когда изъ cadaго угла, при свѣтѣ лампы, глядитъ таинственный образъ праздника!

Но усталость беретъ свое. Не удалось уговорить мать, чтобы взяла съ собою въ церковь, уговариваешь няню: Разбуди меня, когда пойдутъ вокругъ церкви!—И няня общается, она общалась бы все на свѣтѣ, лишь бы уговорился ребенокъ. Но изъ другихъ кроватокъ старшіе счастливыцы отвѣчаютъ смѣхомъ на общанья няни,—и опять поднимается неугомонный ребенокъ, и опять уговариваетъ няню и опять заставляетъ ее въ десятый разъ общаться, что сдѣлаетъ, не забудетъ. Старая няня, кажется, въ самомъ дѣлѣ не забудетъ: она такъ сердится на старшихъ шалуновъ, что смущаютъ ребенка и не даютъ заснуть ему. И дремлешь въ сладкой надеждѣ; но страхъ, что няня обманетъ, пересиливаетъ сонъ, и еще разъ полусзаснувшій ребенокъ заставляетъ няню повторить свое общанье.

Но и въ крѣпкомъ снѣ не засыпаетъ иногда свѣтлая надежда ребенка. Случалось, она будила меня въ ту минуту, когда по всей Москвѣ носится таинственный гулъ, и тысячи мѣдныхъ голосовъ сливаются въ первую пѣсню воскресшему Спасителю. Случалось—вскакивалъ ребенокъ, и няня, оставшаяся дома, подносила его къ окну и показывала ему сверкавшіе огни на колокольняхъ и свѣтильники воскреснаго хода. На минуту затихало все въ комнатѣ, и ребенокъ полусонный, полупроснувшійся прислушивался вмѣстѣ съ старухой къ послѣднимъ звукамъ церковнаго перезвона, и потомъ засыпалъ онъ снова въ своей постелькѣ, а старая няня дребезжавшимъ голосомъ пѣла: „Христосъ Воскресе!“ и—„Свѣтися, свѣтися.“ И вотъ то, что видѣлось и слышалось тогда сквозь сонъ, теперь, какъ сладкій сонъ, видится и слышится изъ туманнаго, изъ далекаго прошедшаго...

Первая заутреня! Боже мой, какъ билось сердце, когда наконецъ въ первый разъ мать рѣшилась взять съ собою дитя свое къ свѣтлой заутрени. Одѣтый по праздничному ночью идешь по темной еще улицѣ—не звонили еще; въ церкви темно, но она уже полна народомъ, всякій спѣшитъ занять свое мѣсто, и стоятъ всѣ одѣтые по праздничному, съ новыми свѣчами, и носится по всему храму таинственный шепотъ ожиданія.—Зажигаютъ свѣчи въ большихъ паникадилахъ, которыя никогда, кажется, не зажигали. Какъ стало свѣтло—какъ полна народомъ церковь, какъ весело всѣ глядятъ, и какъ весело глядѣтъ на всѣхъ. И вотъ, вдругъ кто-то возлѣ пере-

крестился, слышавъ ударъ соборнаго колокола—въ самомъ дѣлѣ—ударили, другой—третій и понеслись хоромъ чудные таинственные звуки, и вотъ наконецъ нашъ родной колоколъ своимъ густымъ гудѣньемъ покрылъ весь хоръ и поглотилъ всѣ звуки. Какъ хорошо, Боже мой! Какъ хорошо стоять возлѣ матери и братьевъ и слушать таинственные голоса и смотрѣть во всѣ глаза вокругъ себя, и ждать, ждать всѣмъ существомъ своимъ.

А дальше—дальше цѣлый міръ новыхъ ощущеній для взволнованнаго ребенка. Вынесли изъ алтаря иконы, которыхъ никогда еще не видывалъ, сняли съ мѣста хоругви, которыхъ еще ни разу не видывалъ въ движеніи—и запѣли:—„Воскресеніе Твое Христе Спасе,“ и тронулся крестный ходъ. И вотъ, затворились двери, церковь полна народу, и всѣ зажгли свои свѣчи и у всѣхъ такіа спокойныя, важныя лица, и всѣ стоятъ тихо, тихо, не говоря ни слова. Боже—что будетъ—хорошо и странно! Но вотъ за дверями послышались отрывистые звуки возгласовъ священника и отвѣты хора,—и толпа зашевелилась, люди крестятся и молятся и шепчутъ. Вдругъ отворились двери и раздалось громкое; „Христось воскресе!“ и въ отвѣтъ ему народъ загудѣлъ свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь запѣла вмѣстѣ съ хоромъ радостныя пѣсни воскресенія.

О, святыя пѣсни, всякому знакомыя, всякому милыя! Кто изъ русскихъ людей не знаетъ и не поетъ васъ и не отвѣчаетъ на ваши звуки всѣмъ своимъ сердцемъ. И ребенокъ, въ первый разъ слышавъ васъ, чувствуетъ трепеть праздничной радости, и старикъ, много разъ проводившій Пасху на вѣку своемъ, когда услышитъ васъ, какъ будто снова дѣлается ребенкомъ и празднуетъ Христу дѣтскою радостью. Когда-бы ни слышало васъ мое ухо, когда-бы ни представило воображеніе свѣтлую ночь Пасхи и церковь празднующую,—въ душѣ моей разцвѣтаетъ и благоухаетъ праздничное чувство. И дѣтство, милое, давно прошедшее дѣтство смотрится въ нее и въ ней отражается, и снова слышатся въ ней тѣ-же надежды и обѣщанія, которыми жила и радовалась душа въ ту благословенную пору. Въ этихъ надеждахъ и обѣщаніяхъ—свѣтъ и надежда цѣлой жизни, отголосокъ вѣчнаго праздника, отблескъ невечернаго дня въ царствіи Христовомъ. Отойдите прочь, горькія заботы! Пусть—чего ждало сердце,—то не пришло,—пусть то, о чемъ вспомнить и подумать страшно, остается въ жизни, пусть стоитъ тутъ со мной, возлѣ меня? Пусть то, чему повѣрило сердце и во что положило себя—то ему измѣнило;—пусть то, что было дороже жизни, оставило жизнь! Пусть то, что казалось правдой и

красотой и свѣтомъ,—явилось ложью и тьмой и безобразіемъ! Жизнь—
 вся какъ есть и со всѣмъ, что есть въ тебѣ,—оставайся,—я не
 боюсь тебя, потому что съ этимъ ударомъ колокола проклятіе спа-
 ло съ тебя; въ это мгновеніе — Божіе благословеніе озарило тебя
 вновь, отъ края до края, съ первой до послѣдней минуты, и ты
 сіяешь, и ты красуешься и блещешь и трепещешь отъ любви
 Божіей, милая, свѣтлая, благословенная жизнь! Вся покрытая росой
 Божіей, вся омытая Кровью моего Спасителя, лучезарная, чистая,
 безъ конца и безъ мѣры, безъ смерти, безъ горя, безъ потери.
 Свѣтъ воскресенія Христова открылъ твою истину, и будущее твое
 слилъ съ настоящимъ и прошедшимъ въ одномъ сознаніи счастья
 безконечнаго. О, когда-бы остановить эту минуту! О, когда-бы на-
 всегда удержать въ душѣ эту гармонію, и начать-бы жить и не
 кончить жить—съ однимъ этимъ словомъ, съ однимъ этимъ чув-
 ствомъ: „Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!“

К. П. Побѣдоносцевъ.

Жизнеописаніе Будды.

(Продолженіе; см. вып. 4-ый Кит. Бл. за 1910 годъ).

Со времени смерти Соддоданы до послѣдняго десятилѣтія жизни
 Будды протекло много времени, но, какъ мы уже замѣтили, этотъ
 промежутокъ времени въ буддійскихъ преданіяхъ остается безъ вся-
 кихъ событій. Поэтому мы перейдемъ теперь къ послѣднимъ годамъ
 жизни Будды, не съ тѣмъ, однакоже, чтобы рассказать факты, исклю-
 чительно касающіеся его лица, о такихъ фактахъ не сохранилось
 преданій, но съ тѣмъ, чтобы упомянуть о нѣсколькихъ побочныхъ
 событіяхъ, среди которыхъ Будда кончилъ свою жизнь. Буддійскіе
 писатели, въ разсказѣ о происшествіяхъ того времени, упоминаютъ,
 что Будда понесъ горькія утраты съ кончиною трехъ покровитель-
 ствовавшихъ ему государей. Первый изъ нихъ былъ Прадйота, сынъ
 Махачакры и владѣтель Учжжаяни. Изъ разсказовъ буддистовъ видно,

что онъ то самое лицо, которое встрѣчается въ индійскихъ драматическихъ сочиненіяхъ и извѣстно романическими похожденіями.

Другой былъ самый сильный покровитель и данапати Будды, Бимбасара, государь Магады; послѣ котораго вступилъ на Рачжагрихскій престолъ сынъ его Ачжатаватру, лѣтъ за семь или за восемь до смерти Будды. Воцареніе поваго государя грозило Буддѣ явною опасностью. Ачжатаватру былъ вооруженъ противъ него Девадаттой и до вступленія своего на престолъ помогаль послѣднему къ униженію его брата. Девадатта внутренно торжествовалъ при обстоятельствахъ, столь благопріятствовавшихъ честолюбивымъ намѣреніямъ его. Однакоже новое положеніе какъ будто изгладило въ Ачжатаватру прежнія его предубѣжденія. Сначала онъ не обращалъ вниманія на интересы, волновавшіе общество отшельниковъ; но вскорѣ, противъ всякаго чаянія, онъ началъ оказывать явное благоволеніе къ Буддѣ и хотѣлъ замѣнить для него своего отца. Девадатта скоропостижно скончался. Съ сихъ поръ протекло нѣсколько лѣтъ безъ особенно важныхъ событій, кромѣ того, что въ продолженіе ихъ Будда лишился лучшихъ своихъ приверженцевъ Шарипутры и Монгальямы, которые скончались въ преклонныхъ лѣтахъ, и нѣсколькихъ другихъ старыхъ бикшу. Однакоже судьба не оставила его въ покоѣ и не позволила кончить дни свои въ мирѣ; она готовила ему новый ударъ въ смерти послѣдняго его благодѣтеля и сверстника, Прасэначжита, шравастійскаго государя.

Прасэначжита знаменитъ у буддистовъ, какъ самый ревностный почитатель Будды. Онъ какъ будто хотѣлъ соперничать съ Бимбасарой и даже превзойти его въ щедрости и вниманіи къ шраману Готамѣ. Это обстоятельство содѣйствовало дружественнымъ отношеніямъ между Прасэначжитой и домомъ Готамы. Но настоящая причина дружбы шравастійскаго государя къ шакьяпутрамъ, и можетъ быть вниманія къ Буддѣ, заключалась въ томъ, что при дворѣ его была Моли, взятая имъ въ жены изъ племени шакья. Хотя шакья оскорблялись этимъ бракомъ, честолюбивая Моли съ радостію вступила во дворецъ Прасэначжита, овладѣла расположеніемъ своей свекрови, которая сначала не хотѣла и видѣть ее, и, родивъ черезъ годъ бездѣтному мужу наслѣдника Виручжаку, привязала его къ себѣ узами любви и уваженія. Съ сихъ поръ начались взаимныя посѣщенія между семействами Прасэначжита и Готамы и пріязнь обоихъ дворовъ укрѣпилась. Удаи, бывшій при Соллоданѣ временнымъ его посланникомъ при Шравастійскомъ дворѣ, умѣлъ внушить Прасэначжитѣ такую довѣренность къ себѣ, что обыкновеніе посылать въ Капилавасту особаго сановника изъ Шравасты было отмѣнено, и Удаи, сдѣлався

единственнымъ посредникомъ между двумя дворами. Такое доброе согласіе предвѣщало племени шакья счастливую будущность но подѣ сѣнію этого мира росъ Виручжака, предметъ глубокой ненависти шакьяпутровъ. Говорили, что Моли, мать Виручжаки, вовсе не изъ дома Готамы, а бѣдная цвѣточница, бывшая въ услуженіи у одного вельможи, родственника Будды по матери, и что Виручжака сынъ рабыни. Нѣсколько разъ молодые шакьяпутры хотѣли подстеречь Виручжаку на охотѣ и убить его и, если бы не благоразуміе старшихъ шакья, Прасэначжита навѣрно лишился бы своего единственного сына. Подобныя обиды, презрѣніе и насмѣшки вооружили Виручжаку противъ шакья и заронили въ душу его неистребимое чувство мести; онъ поклялся жестоко отплатить племени шакья за его горделивое и презрительное обхожденіе съ наслѣдникомъ правастійскаго престола. По этому, едва онъ взошелъ на престолъ, какъ-тогчасъ началъ военныя приготовленія къ походу противъ ненавистнаго ему Капилавасту.

Если бы Ачжатаватру успѣшилъ исполнить не задолго предѣтъмъ принятое имъ намѣреніе объявить войну Виручжаку, онъ отклонилъ бы или, по крайней мѣрѣ, замедлилъ бы нападеніе Виручжаки на шакья. Но у него были свои заботы: онъ вздумалъ покорить своей власти Вайшали. Этотъ городъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Индіи и славился своими тканями и приготовленіемъ богатаго и изящнаго платья. Вайшалійцы были независимы отъ государя Магады и образовали торговую республику. Ачжатаватру, прельстясь этимъ завиднымъ владѣніемъ, собралъ свои войска, переплылъ съ нимъ на судахъ на лѣвый или сѣверный берегъ Ганга и чрезъ нѣсколько дней былъ уже въ виду Вайшали. Вайшалійцы знали о военныхъ приготовленіяхъ Ачжатаватру и приготовились къ упорной защитѣ. Они мужественно вышли на встрѣчу рачжагрихскимъ войскамъ и напали на нихъ; натискъ ихъ былъ такъ силенъ и рѣшителенъ, что непріатели смѣшались и въ безпорядкѣ начали отступать; вайшалійцы преслѣдовали ихъ до самаго Ганга, такъ что Ачжатаватру едва успѣлъ переѣхать съ своими на правый его берегъ. Послѣ этого успѣха вайшалійцы съ торжествомъ возвратились въ свой городъ, въ полной увѣренности, что Ачжатаватру не осмѣлится болѣе нападать на нихъ; однакоже они ошиблись въ своемъ расчетѣ. Ачжатаватру остановился на берегу Ганга и, когда вайшалійцы двинулись назадъ, приказалъ начать снова переправу на другой берегъ, объявивъ своей арміи, что если имъ не идти къ Вайшали, то вайшалійцы придутъ къ Рачжагрихъ. Переправившись черезъ рѣку, Ачжатаватру шелъ почти по слѣдамъ вайшалійцевъ и явился подѣ стѣнами ихъ города въ то

время, когда они менѣ всего ожидали его. Пользуясь ихъ оплошностью, онъ окружилъ городъ войсками и рѣшился вести правильную осаду. Приведя все въ надлежащій порядокъ, самъ онъ возвратился въ Рачжагриху.

Виручкака, горя мщеніемъ, двинулся съ своими войсками къ Капилавасту. Выступивъ въ походъ, онъ, если вѣрить рассказамъ буддистовъ, далъ торжественную клятву истребить родъ шакья съ лица земли и до тѣхъ поръ не прекращать убійства, пока онъ не увидитъ предъ собою потоковъ крови ненавистнаго ему племени. Дня черезъ два онъ явился въ виду Капилавасту. Шакья спѣшили приготовиться къ встрѣчѣ своего смертельнаго врага; въ Капилавасту собрались князья и владѣльцы земель съ толпою вооруженныхъ поселянъ. Выступивъ изъ города, шакья первые начали битву съ правастійцами, но послѣ первыхъ стычекъ принуждены были уступить превосходству непріятельскихъ силъ и воротиться въ городъ. Здѣсь они укрѣпились и рѣшились упорно выдержать осаду. Виручкака обложилъ Капилавасту войсками и требовалъ немедленной сдачи города, грозя, въ случаѣ отказа, предать городъ разрушенію, а жителей его смерти. Въ это самое время подоспѣлъ на помощь своимъ единоплеменникамъ одинъ богатый арендаторъ, по имени Шамба, котораго буддійскіе писатели называютъ надзирателемъ земледѣльческихъ работъ; онъ тогда только успѣлъ собрать значительное вспоможеніе и велъ его въ Капилавасту, въ несомнѣнной надеждѣ обрадовать осажденных. Со стѣнъ Капилавасту шакья видѣли, какъ храбрый соотечественникъ ихъ смѣло пробивался сквозь ряды осаждавшихъ и счастливо достигъ городскихъ воротъ; но ворота были заперты и не отворялись; напрасно Шамба требовалъ и умолялъ впустить его; шакья были глухи и нѣмы. Видя, что все потеряно, Шамба въ отчаяніи снова бросился съ своею дружиною на непріятелей, снова пробился сквозь ряды ихъ, удалился въ чужія страны и основалъ тамъ колонию шакьяпутровъ, названную послѣ по его имени.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Начальнику Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ, Преосвященному Иннокентію Епископу Переславскому.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1., рапортъ Вашего Преосвященства, отъ 15-го Января сего года за № 25, съ ходатайствомъ о преподаніи указаній по вопросу о томъ, изъ какого источника должны быть пополняемы потери Миссіи на разницу въ курсѣ по ассигнуемому на ея содержаніе суммъ при ихъ размѣнѣ на мѣстную монету и 2., отношеніе Хозяйственнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Управленія, отъ 26-го Марта сего года за № 9591, съ заключеніемъ по предмету означеннаго ходатайства Вашего Преосвященства. ПРИКАЗАЛИ: Обсудивъ настоящее ходатайство Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ: въ виду того, что содержаніе Пекинской Духовной Миссіи ассигнуется въ кредитной валютѣ, разъяснить Вашему Преосвященству, что расходы на потерю въ курсѣ и на банковскіе расходы должны быть относимы на тѣ же ассигнованія путемъ уравнительнаго удержанія ихъ со всѣхъ статей расхода и жалованья служащихъ при Миссіи, о чемъ и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ, а въ Хозяйственное Управленіе передать для свѣдѣнія выписку изъ сего опредѣленія. Мая 18 дня 1910 года. Подлинный подписали: Оберъ Секретарь Г. Левицкій, Секретарь Н. Нумеровъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Келейное правило Епископа Іустина.	1
Пасха въ Іерусалимѣ.	12
Пасха на Афонѣ.	18
Пасха въ Китаѣ.	21
Свѣтлая ночь Воскресенія.	25
Жизнеописаніе Будды.	28
Официальный Отдѣлъ.	32

За Редактора Іеромонахъ
Амвросій.

Печатать дозволяется
Епископъ Иннокентій.

Г. ПЕКИНЪ.

Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссіи.
1910